

ВВЕДЕНИЕ

въ науку православнаго церковнаго права.

(Изъ лекцій покойнаго профессора Московскаго Университета.
А. С. Павлова).

§ 1. *Понятіе о церкви и церковномъ правѣ.* Церковное право обязано своимъ происхожденіемъ и развитіемъ всемірно-историческому факту появленія и распространенія въ мірѣ христіанской религіи, соединившей своихъ послѣдователей въ особый общественный союзъ, которому *исключительно* и принадлежитъ названіе *церкви*. Говоримъ: *исключительно*, потому что понятіе о церкви, какъ о религіозномъ союзѣ, совершенно отличномъ отъ всѣхъ другихъ человѣческихъ союзовъ, усвоено сознаниемъ и проникло въ жизнь народовъ только вмѣстѣ съ христіанствомъ. До-христіанская древность не знала ни религіи, отрѣшенной отъ національности, ни религіознаго союза, отличнаго отъ государства. Сколько было націй, „языковъ“, столько и религій, которыя поэтому, т. е. какъ естественно-національныя, какъ выраженія особеннаго религіознаго міросозерцанія, свойственнаго тому или другому народу, весьма выразительно называются въ нашей славянской Библии *языческими*. Религія, такъ же какъ и языкъ, составляла въ древности главную отличительную черту національностей и вмѣстѣ—преобладающій элементъ въ духовной и соціальной жизни народовъ. Первобытныя государства на востокѣ носили характеръ теократій: воля національныхъ боговъ правила здѣсь всею общественною жизнію народа, диктовала устами жрецовъ законы, рѣшала вопросы о правѣ и неправѣ. Такимъ образомъ, религіозная и

политическая жизнь покоились на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ, религія и право составляли одно и тоже. Но политическій генійъ европейскихъ народовъ древности, въ особенности Римлянъ, создалъ, въ противоположность восточнымъ теократіямъ, свѣтское, *чисто-правовое* государство, въ которомъ религія составляла уже не господствующій, а служебный элементъ, подчиненный государственнымъ интересамъ и цѣлямъ. Римъ, покоряя народы, покорялъ и ихъ боговъ, которымъ во времена имперіи, т. е. въ эпоху появленія и распространенія въ мірѣ христіанства, такъ же охотно давалъ помѣщеніе въ своемъ пантеонѣ, какъ и завоеваннымъ народамъ — право римскаго гражданства. Пантеонъ былъ своего рода государственный музей, долженствовавшій свидѣтельствовать о величій міродержавнаго Рима. Въ видахъ политическихъ признавалось нужнымъ приносить національнымъ и покореннымъ богамъ жертвы и совершать другіе общественные религіозные обряды, но въ тоже время девизомъ каждаго образованнаго римлянина въ концѣ республики и началѣ имперіи было: *nil credere*. Соотвѣтственно этой эманципаціи гражданскаго порядка отъ религіознаго въ римскомъ государствѣ, и религія въ христіанствѣ является абсолютнымъ началомъ человѣческой жизни, освобождается отъ узкихъ формъ національности и государственности. Здѣсь, въ христіанствѣ, Богъ уже перестаетъ быть національнымъ божествомъ, государство не поглощаетъ, какъ прежде, всей личности и всей духовной жизни чловека; напротивъ, въ новой религіи отдѣльныя личности очерпаютъ такія идеи, воззрѣнія и чувства, въ силу которыхъ онѣ сознаютъ себя уже не эллинами, римлянами, іудеями или членами другой какой націи, но братьями по вѣрѣ, дѣтьми одного общаго Отца небеснаго. Уже этотъ самый универсальный характеръ христіанской религіи доказываетъ, что она не есть результатъ естественнаго историческаго развитія какой либо изъ національныхъ религіи древняго міра, а представляетъ собою чудо во всемірной исторіи. Правда, Виновникъ христіанства, если смотрѣть на него съ общей исторической точки зрѣнія, принадлежалъ къ іудейскому народу; но Онъ проповѣдывалъ своимъ соотечественникамъ такое религіозное ученіе, что *свои его не познаша* и казнили Его позорною смертію, какъ разрушителя національнаго

богооткровеннаго закона. Чудомъ въ исторіи представляется и тотъ фактъ, что первые проповѣдники христіанства за предѣлами Іудей, личные ученики Іисуса Христа, были не болѣе, какъ простые рыбаки, и однако они, въ сравнительно непродолжительное время, успѣли найтн себѣ многочисленныхъ послѣдователей вездѣ, куда только являлись они съ своею проповѣдію о *распятомъ* Богочеловѣкѣ Христѣ, *Спасителѣ мѣра*, Основателѣ царства Божія на землѣ, хотя эта проповѣдь для іудеевъ была *соблазнъ*, а для эллиновъ, т. е. всѣхъ образованныхъ язычниковъ — *безуміе* (1 Кор. 1, 23). Наконецъ, чудомъ въ исторіи человѣчества нужно признать и тотъ фактъ, что христіанская религія, не смотря на кровавыя гоненія, какимъ подвергались ея послѣдователи со стороны государственныхъ властей всемогущаго Рима, въ какія нибудь три столѣтія послѣ своего возникновенія сдѣлалась господствующею въ этомъ самомъ Римѣ. Такъ исполнилось предсказаніе одного изъ учениковъ Христовыхъ, высказанное имъ какъ бы въ виду уже совершившагося торжества христіанской религіи во всемъ мѣрѣ: *сія есть побѣда, побѣдившая мѣръ—вѣра наша* (1 Іоан. 5, 4). Чѣмъ сильнѣе вооружалось противъ нея языческое государство, тѣмъ могущественнѣе дѣйствовала она на умы и сердца современниковъ. Ибо „кровь мучениковъ, по мѣткому выраженію одного изъ христіанскихъ писателей конца II ст., дѣлалась сѣмнемъ новыхъ христіан“.

Самъ Божественный Виповникъ христіанской религіи называлъ общество своихъ послѣдователей *церковію* (*ἐκκλησία*): *созижду церковь Мою* (Матѣ. 16, 18). Это созиданіе было завершеніемъ земной жизни Іисуса Христа и состояло въ томъ, что Онъ далъ церкви, въ лицѣ своихъ Апостоловъ, первую духовную іерархію, именно облекъ ихъ тройкимъ духовнымъ полномочіемъ — быть проповѣдниками *въры во всемъ мѣрѣ* (а не въ одной Іудей, гдѣ дѣйствовала Самъ Божественный Учитель), подавать *върующимъ* благодатныя силы и средства для ихъ духовнаго возрожденія и обновленія и руководить ихъ въ жизни по *вѣрѣ* (Матѣ. 28, 19—20; Марк. 16, 15). При этомъ Апостолы получили отъ своего Господа обѣтованіе, что Онъ пребудетъ съ ними, т. е. съ Своею церковію, *до скончанія вѣковъ*. Это значигь, конечно, что апостольское служеніе въ церкви должно продолжаться во

все время ея земного существованія. Такъ выражена Божественная воля объ учрежденіи *постоянной* церковной іерархіи, ведущей свое начало и получающей свои полномочія чрезъ установленный апостолами актъ священнаго рукоположенія.

Проповѣдь Апостоловъ о распятомъ и воскресшемъ Искупителѣ міра началась въ 50-й день по воскресеніи и въ 10-й по вознесеніи Его на небеса, когда они, *облеченные силою свыше* (Лук. 24, 49), плѣнили въ послушаніе вѣры Христовой около трехъ тысячъ душъ изъ іудеевъ и разноплеменныхъ прозелитовъ іудейства, пришедшихъ въ Іерусалимъ на праздникъ пятидесятницы изъ разныхъ странъ извѣстнаго тогда міра (Дѣян. гл. 2). Это былъ день рожденія церкви, въ который она, вмѣстѣ съ дарами сошедшаго на Апостоловъ Святаго Духа, получила и основныя черты своего будущаго постояннаго устройства: Апостолы, съ ихъ чрезвычайными духовными полномочіями, представляли собою первоначальную церковную іерархію, а новообращенные въ день первой христіанской пятидесятницы были первою общиною простыхъ вѣрующихъ (мірянъ). Затѣмъ, когда Апостолы, по повѣди Господа, огласили проповѣдію евангелія почти все страны извѣстнаго тогда міра и повсюду основали общества вѣрующихъ во Христа, открылась потребность установленія церковной іерархіи съ характеромъ *постояннаго* учрежденія. Именно: Апостолы, не имѣя возможности лично назидать въ вѣрѣ каждое изъ основанныхъ ими христіанскихъ обществъ, поставляли во главѣ ихъ особыхъ предстоятелей съ тѣми частями своего духовнаго полномочія, въ которыхъ, по существу и назначенію церкви, заключается вся полнота власти духовной іерархіи, какъ постояннаго учрежденія, имѣющаго пребывать въ церкви и съ церковію, согласно обѣтованію Господа, до конца вѣковъ. Поэтому и принятый Апостолами способъ поставленія преемниковъ своихъ въ огдѣльныхъ христіанскихъ обществахъ — таинственный актъ рукоположенія (*χειροτονία*)—долженъ быть разсматриваемъ, какъ божественное установленіе, назначенное для непрерывнаго продолженія апостольскаго служенія въ церкви, поскольку оно проявлялось въ дѣйствіяхъ троякаго ихъ полномочія: какъ учителей вѣры, какъ раздавателей благодатныхъ даровъ вѣры и какъ руководителей христіанскаго об-

щества въ жизни по вѣрѣ. На этомъ незыблемомъ основаніи своего устройства и съ этими духовными полномочіями церковь, подъ невидимымъ главенствомъ своего Божественнаго Основателя, исполняетъ свою спасительную миссію въ мірѣ до сего дне и будетъ исполнять до конца вѣковъ съ такою силою, которой *и врата адава не одолѣютъ* (Матѣ. 16, 18).

Итакъ, церковь для вѣрующихъ въ Иисуса Христа есть непосредственно божественное учрежденіе, въ которомъ и чрезъ которое осуществляется въ родѣ человѣческомъ идея царства Божія на землѣ, т. е. сообщается людямъ истинное богопознаніе и подаются благодатныя силы и средства къ духовному ихъ возрожденію, къ приведенію ихъ воли въ согласіе съ волею Божіей и къ достиженію конечной цѣли христіанской религіи—единенію человѣка съ Богомъ въ вѣчной жизни. Это—догматическое понятіе о Церкви, составляющее одинъ изъ членовъ христіанскаго исповѣданія вѣры, въ которомъ указаны слѣдующія свойства церкви: 1) она есть *едина*, потому что и христіанская религія одна, та именно, которую проповѣдывалъ Иисусъ Христосъ и Его Апостолы и которая, какъ Божественное Откровеніе, предана церкви для неизмѣннаго (слѣдовательно, непогрѣшительнаго) сохраненія на всѣ времена; 2) церковь есть *святая*, потому что она происходитъ *отъ Бога* и имѣетъ цѣлію *освященіе* человѣка, т. е. уподобленіе его Богу; 3) церковь есть *вселенская*, потому что Божественный Основатель ея возвѣстилъ Свою религію и принесъ Свою искупительную жертву для спасенія всего рода человѣческаго, доколѣ онъ существуетъ; и 4) церковь есть *апостольская*, потому что отъ Апостоловъ ведетъ она свою іерархію и отъ нихъ получила коренныя начала своего устройства.

Въ изложенномъ догматическомъ понятіи о церкви указано и внутреннее, невидимое существо ея, и внѣшнее, видимое. Какъ союзъ, основанный на религіозной вѣрѣ, дѣйствіе которой обращено прежде всего на внутреннюю сторону человѣка, на его душу, церковь представляется невидимымъ, духовнымъ союзомъ вѣрующихъ въ Иисуса Христа. На это внутреннее существо церкви указалъ Самъ ея Основатель, назвавъ ее *царствомъ Божиимъ*, находящимся *внутри* вѣрующихъ (Лук. 17, 21) и *царствомъ не отъ міра сего* (Іоан. 18,

36). Но въ то же время церковь, какъ союзъ человѣческій, есть царство Божіе *въ міръ семъ*, значитъ—видимое явленіе во *внѣшней* соціальной жизни человѣчества. Этою стороною своего существа она поставлена въ общія условія человѣческой жизни, вытекающія изъ естественныхъ свойствъ человѣческой природы. А природа человѣка, какъ существа духовно-тѣлеснаго, такова, что внутренняя, духовная жизнь его, приводимая въ движеніе явленіями внѣшняго міра, сама проявляется *вовнѣ*, т. е. выражается въ его словахъ и дѣйствіяхъ. Съ другой стороны, и духовныя и тѣлесныя силы отдѣльныхъ человѣческихъ существъ (индивидуумовъ) крайне ограничены. Отсюда проистекаетъ необходимость общезжитія людей, для чего и данъ имъ даръ слова. Только въ обществѣ съ другими людьми, въ соединеніи многихъ единичныхъ силъ для общей цѣли, человѣкъ получаетъ возможно полное удовлетвореніе потребностей своей природы и достигаетъ возможнаго для него совершенства. Все это повторяется и во внѣшней жизни церкви. Именно: христіанская религія, какъ объективное божественное откровеніе, бывъ усвоена живою субъективною вѣрою человѣка и сдѣлавшись господствующимъ началомъ его духовной жизни, по естественной необходимости выражается имъ *вовнѣ*, т. е. во *внѣшнемъ* исповѣданіи вѣры и во *внѣшней* жизни по вѣрѣ. А какъ необходимость такого выраженія внутренней вѣры одинаково присуща всѣмъ вѣрующимъ, то между ними необходимо устанавливается *внѣшній* союзъ для общаго внѣшняго богопочитанія и для утвржденія слабѣйшихъ въ вѣрѣ братскою помощію тѣхъ, кто достигъ въ ней большаго совершенства или кто прямо призванъ къ назиданію другихъ въ вѣрѣ и къ руководству ихъ къ жизни по вѣрѣ. Мы уже знаемъ, что такое призваніе имѣетъ духовная христіанская іерархія, ведущая свое начало отъ апостоловъ Христовыхъ и, слѣдовательно, существующая въ церкви *jure divino*. Она служитъ центромъ внѣшняго общенія вѣрующихъ и первооснованіемъ устройства церкви, какъ цѣлаго. Внѣшняя жизнь церкви, какъ организованнаго цѣлаго, необходимо предполагаетъ существованіе въ ней извѣстнаго порядка, согласнаго съ ея внутреннимъ существомъ и жизненнымъ назначеніемъ. Съ этимъ порядкомъ церковь вступаетъ въ область права, и притомъ—двоjakимъ образомъ:

1) какъ носительница своего собственнаго права, т. е. тѣхъ нормъ своей жизни, которыя имѣютъ свое основаніе въ самомъ существѣ церкви и которыми опредѣляются ея внутреннія правоотношенія; и 2) какъ общественный союзъ, существующій въ мірѣ наряду съ другими человѣческими союзами, политическими и религіозными и, слѣдовательно, необходимо вступающій въ извѣстныя къ нимъ отношенія. Нормы или желательныя правила, которыми опредѣляются тѣ и другія отношенія церкви, составляютъ церковное право въ объективномъ смыслѣ, которое, по различію указанныхъ отношеній, раздѣляется на *внутреннее* и *внѣшнее*; въ субъективномъ же смыслѣ церковное право есть совокупность правомочій и обязанностей отдѣльныхъ членовъ церковнаго общества въ отношеніи другъ къ другу и къ церкви, какъ цѣлому, а равно и этого цѣлаго, — въ отношеніи къ отдѣльнымъ его членамъ и къ другимъ человѣческимъ союзамъ.

§ 2. *Названія церковнаго права.* Церковное право иначе называется *каноническимъ*. Это послѣднее названіе происходитъ отъ греческаго слова *κανών*, которое въ первоначальномъ (матеріальномъ) смыслѣ означало всякое орудіе для проведенія прямыхъ линий или для уравниванія плоскостей; въ позднѣйшемъ и переносномъ смыслѣ оно получило значеніе образца, правила (*regula*); наконецъ, въ церковной терминологіи, первый примѣръ которой встрѣчается въ одномъ изъ посланій Апостола Павла (Галат. 6, 15. 16), слово это стало означать правило христіанской вѣры и жизни и въ особенности—дисциплинарныя постановленія церковныхъ соборовъ, въ отличіе, съ одной стороны, отъ догматическихъ соборныхъ опредѣленій (*δόξαι, δόγματα*), съ другой—отъ свѣтскихъ или гражданскихъ законовъ (*νόμοι, leges*). Нужно замѣтить, что въ западно-европейской литературѣ нашего предмета названія: *каноническое* и *церковное* право имѣютъ неодинаковое значеніе. Первое усвоится тому праву, которое содержится въ средневѣковомъ *Corpus juris canonici* католической церкви и состоитъ изъ нормъ, опредѣляющихъ не только церковныя, но и другія правовыя отношенія, которыя въ продолженіе среднихъ вѣковъ составляли предметъ церковной юрисдикціи. Система церковнаго права, догматически построенная на основаніи *Corpus juris canonici* въ цѣломъ его составѣ, и будетъ системою *каноническаго* права, т. е. будетъ

содержать въ себѣ право только по происхожденію церковное, а не по содержанию. Напротивъ, *церковнымъ* правомъ называется то, которое имѣеть своимъ предметомъ исключительно дѣла и отношенія чисто-церковныя, хотя бы оно произошло не только отъ церкви, но и отъ государства. Отношеніе того и другаго права, по остроумному замѣчанію Рихтера, можно представить себѣ подъ образомъ двухъ взаимно пересѣкающихся круговъ, такъ что каждое изъ нихъ отчасти шире, отчасти уже другаго.

Православный и въ частности русскій канонистъ можетъ безразлично давать своему предмету и то и другое названіе. На православномъ востокѣ право, церковное по происхожденію, и по содержанию своихъ нормъ всегда было церковнымъ. Если же и тамъ церковь входила иногда, какъ опредѣляющій авторитетъ, въ область свѣтскаго, мірскаго права, то она никогда не придавала принципиальнаго значенія своей законодательной дѣятельности въ этой области: съ другой стороны, православная церковь никогда принципиально не отрицала права свѣтской христіанской власти—принимать участіе въ образованіи не только внѣшняго, но и внутренняго церковнаго права—подъ условіемъ, конечно, чтобы свѣтскій законодатель дѣйствовалъ здѣсь такъ же, какъ дѣйствовала бы и сама церковь, т. е. въ полномъ согласіи съ коренными началами церковнаго права и на основаніи или, по крайней мѣрѣ, въ духѣ положительныхъ канонѣвъ древней Вселенской церкви. При наличности этого условія, восточная православная церковь не полагала внутренняго, принципиальнаго различія между своими *канѳнес* и государственными *νόμοι*. Отсюда и практическіе сборники источниковъ церковнаго права получили на востокѣ названіе *Номоканѳнес*, такъ какъ въ нихъ содержались и церковныя правила и законы свѣтской власти, по дѣламъ церкви. Такимъ образомъ, если мы назовемъ нашъ предметъ *каноническимъ* правомъ, то этимъ названіемъ укажемъ на господствующій и опредѣляющій элементъ въ церковномъ правѣ, каковой составляютъ каноны древней Вселенской церкви, служащіе критеріемъ и основаніемъ для дѣйствующаго права всѣхъ православныхъ автокефальныхъ церквей. Если же дадимъ ему названіе права *церковнаго*, то укажемъ на исключительное содержаніе его нормъ и тѣмъ самымъ отличимъ

его не отъ каноническаго, а отъ всякаго другого—нецерковнаго права. Последнее названіе заслуживаетъ предпочтенія развѣ только по его всеупотребительности и общепонятности.

§ 3. *Характеръ церковнаго права.* Церковное право, какъ внѣшняя оболочка церковной жизни, конечно, должно соотвѣтствовать внутреннему существу и жизненному назначенію самой церкви. А какъ церковь, по своей природѣ и назначенію, совершенно отлична отъ всѣхъ другихъ человѣческихъ союзовъ и прежде всего—отъ государства, которое принято считать главнѣйшею (если не исключительною) сферою образованія права въ чистомъ его видѣ, то отсюда возникаетъ вопросъ: приложимо-ли къ церковному праву формальное понятіе о правѣ вообще? Другими словами: точно-ли церковное право есть право въ собственномъ, т. е. общепринятомъ смыслѣ этого слова? Отвѣтъ можетъ быть только утвердительный, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями. Во первыхъ, церковное право, въ объективномъ смыслѣ, есть внѣшній порядокъ особаго соціальнаго организма, воплощающаго въ себѣ опредѣленную и необходимую жизненную цѣль. Пусть цѣль эта относится исключительно къ внутренней, духовной жизни человѣка, куда можетъ простирать свое дѣйствіе только религія, а не право; тѣмъ не менѣе, если эта цѣль соединяетъ людей въ особый организованный союзъ и ставитъ ихъ въ опредѣленные внѣшнія отношенія между собою, то тутъ оказываются на лицо всѣ условія, необходимыя для образованія права. *Ubi societas, ibi jus.* Въ вторыхъ, нормы этого права, какъ императивы для внѣшней дѣятельности членовъ церкви въ отношеніи другъ къ другу и ко всей церкви, настолько же отличаются отъ нравственныхъ предписаній христіанской религіи, насколько право вообще отличается отъ морали: первыя относятся къ внѣшнимъ дѣйствіямъ членовъ церковнаго общества, послѣднія—къ внутреннимъ мотивамъ этихъ дѣйствій. Церковно-юридическая норма опредѣляетъ, напри- мѣръ, извѣстное наказаніе за дознанную связь съ чужою женою, называя эту связь прелюбодѣяніемъ; а религіозно-нравственный законъ указываетъ на внутреннюю сторону этого преступленія, именно говоритъ: „всякъ, кто посмотритъ на чужую жену съ похотѣніемъ, уже прелюбодѣйство-

валъ съ нею въ сердцѣ своемъ“ (Матѣ. 5, 28). Втретыхъ, въ законахъ церковнаго порядка, какъ *общественнаго*, устанавливаются такія же границы для дѣятельности *отдѣльныхъ* членовъ церковнаго общества, какія необходимы въ правовомъ порядкѣ вообще, и нарушеніе этихъ границъ сопровождается такою же реакціей со стороны установленныхъ блюстителей порядка, какъ и во всякомъ благоустроенномъ человѣческомъ союзѣ. Словомъ: церковному праву, такъ же какъ и всякому другому, присущъ характеръ *принудительности*, въ томъ смыслѣ, что оно возвышается надъ частною волею, дѣйствуетъ на нее съ силою *необходимости*. Конечно, церковь сама по себѣ не можетъ принуждать физически, такъ, какъ принуждаетъ къ исполненію своихъ законовъ государство. Тѣмъ не менѣе и она имѣетъ своего рода нудящую и карательную власть, которою и дѣйствуетъ противъ своихъ отдѣльныхъ членовъ, нарушающихъ общій порядокъ церковной жизни. Въ этомъ нельзя сомнѣваться, если взять во вниманіе, что въ исключительномъ распоряженіи церкви находятся извѣстныя права и блага, которыя, поэтому, она же можетъ и отнять, на примѣръ права духовнаго сана, право каждаго члена церкви на совершеніе для него извѣстныхъ церковныхъ актовъ и т. п. Существованіе такихъ принудительныхъ законовъ въ церкви нисколько не противорѣчитъ христіанскому ученію о свободѣ воли: ибо кто признаетъ себя членомъ церкви, тотъ тѣмъ самымъ изъявляетъ волю и принимаетъ на себя обязанность повиноваться ея законамъ и соблюдать существующій въ ней порядокъ. Нѣтъ и быть не можетъ никакого принужденія ко вступленію въ церковь, но кто уже принадлежитъ къ ней, тотъ необходимо подчиняется ея законамъ, такъ какъ они основаны на *положительной божественной волѣ* и поставлены условіями, при соблюденіи которыхъ только и возможно для отдѣльныхъ лицъ достиженіе цѣли, открывающейся для нихъ въ церковномъ союзѣ. Такимъ образомъ, принудительная сила церковно-юридическихъ нормъ происходитъ не изъ простой необходимости церковнаго порядка, а изъ положенія отдѣльныхъ лицъ въ этомъ порядкѣ. Онъ существуетъ не самъ для себя, не для церкви, какъ цѣлаго, а для того, для чего существуетъ и сама церковь, т. е. чтобы доставлять отдѣльнымъ членамъ ея, за которыхъ пролита кровь

Богочеловѣка, возможность достиженія ихъ религіозной цѣли. Отсюда очевидно, что въ церковномъ правѣ, въ отличіе отъ мірскаго, моменты внѣшняго принужденія и внутренней личной свободы вполнѣ совпадаютъ.

§ 4. *Положеніе церковнаго права въ цѣлой системѣ права.*

Если церковному праву принадлежатъ все формальныя, логическія моменты, изъ коихъ слагается понятіе о правѣ вообще, то оно, само собою понятно, должно входить въ цѣлую систему права и занимать въ ней опредѣленное мѣсто. Какое же именно? Въ рѣшеніи этого вопроса ученые юристы, т. е. авторы юридическихъ энциклопедій, значительно расходятся между собою. Держась традиціоннаго римскаго дѣленія права на двѣ вѣтви: *публичное* и *частное*, новѣйшіе ученые юристы относятъ церковное право то къ первому, то ко второму, то раздѣляютъ его на двѣ части и одну относятъ къ частному праву, другую—къ публичному. Ни одно изъ этихъ мнѣній не можетъ быть признано правильнымъ.

Юристы, всецѣло относящіе церковное право къ публичному т. е. смотрящіе на него, какъ на особую часть государственнаго права, очевидно, слѣдуютъ примѣру римскихъ юристовъ, которые такъ опредѣляли объемъ публичнаго права: *Publicum jus in sacris, in sacerdotibus, in magistratibus consistit*. Но что справедливо относительно римскихъ *sacra publica*, которыя дѣйствительно были частью государственнаго порядка, того нельзя сказать о христіанской религіи и церкви. Христіанство, по своему происхожденію, не есть чья либо національная религія, и церковь не есть государственное установленіе. Напротивъ, исторія учитъ насъ, что полная система самобытнаго церковнаго права развилась еще въ тѣ времена, когда государство (именно римская имперія) игнорировало церковь или даже прямо преслѣдовало ее, какъ недозволенную ассоціацію (*collegium illicitum*). Въ этомъ фактѣ наглядно выразилось то существенное свойство церковнаго права, что обязательная сила его нормъ для членовъ церкви утверждается, въ послѣдней инстанціи, на божественномъ, а не на человѣческомъ авторитетѣ. Государство можетъ только въ своей сферѣ признавать или не признавать дѣйствіе церковно—юридическихъ нормъ, но для дѣйствительныхъ членовъ церкви нормы эти остаются обяза-

тельными и безъ государственной санкціи. Словомъ: внутреннее церковное право, то, которымъ опредѣляются чисто—церковныя отношенія, есть созданіе самой церкви, а не государства и, слѣдовательно, не можетъ быть частью государственнаго права. Иное дѣло вопросъ—о положеніи церкви въ сферѣ *мірскаго* права. Здѣсь церковь вполнѣ и всецѣло зависитъ отъ государства, которое можетъ признавать, можетъ и не признавать ее въ качествѣ публичной корпораціи. Итакъ, чтобы правильно судить объ отношеніи церковнаго права къ государственному, нужно постоянно имѣть въ виду различіе внутренняго и внѣшняго права церкви. Признавая полную самостоятельность перваго, мы нисколько не ограничиваемъ естественныхъ и необходимыхъ правъ государства относительно церкви, не ставимъ ее выше государства или въ международныя отношенія къ нему. Церковь, сообразно своему существу и назначенію, обнимаетъ человѣка по *религіозному*, а не политическому принципу, слѣд. она не можетъ быть ни государствомъ въ государствѣ, ни такимъ союзомъ, который, преслѣдуя одинаковыя съ государствомъ цѣли, сталъ бы къ нему въ международныя отношенія. Эти два великія единства—церковь и государство—не могутъ совпадать даже и въ томъ случаѣ, если бы всѣ народы сдѣлались членами одного политическаго цѣлаго и всѣ принадлежали къ одной церкви. Церковь и въ этомъ государственномъ союзѣ все-таки оставалась бы *царствомъ не отъ міра сего*, т. е. союзомъ преслѣдующимъ недоступныя и несвойственныя государству цѣли.

По той же причинѣ нельзя и соподчинять церковное право, подъ общею рубрикою публичнаго, съ государственнымъ и международнымъ правомъ. Средство между ними только чисто формальное, такъ какъ всѣмъ названнымъ отдѣламъ права принадлежитъ характеръ публичности. Но по внутренней своей природѣ, церковное право однаково отлично и отъ государственнаго права и отъ международнаго. Дѣйствіе государственнаго права ограничивается опредѣленною територію, тогда какъ церковное право можетъ дѣйствовать и дѣйствуетъ независимо отъ границъ государствъ и національностей. Мы уже не говоримъ о католической церкви, имѣющей центръ единства въ лицѣ папы: ея члены и учрежденія находятся во всѣхъ странахъ міра. Укажемъ на нашу

русскую церковь, нѣкоторыя части которой находятся въ Японіи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Наконецъ, и по своимъ первоисточникамъ, по своему характеру и по санкціи своихъ нормъ церковное право совершенно отлично отъ государственнаго. Церковь выводитъ свое право изъ положительныхъ откровеній Божественной воли и на ней же утверждаетъ обязательную силу своихъ собственныхъ предписаній, вслѣдствіе чего первооснованія церковнаго права остаются неизмѣнными на всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Напротивъ, государственное право всякаго народа всецѣло есть продуктъ его исторіи и подлежитъ такимъ же перемѣнамъ, какъ и жизнь самаго народа.

Повидимому, болѣе общаго имѣеть церковное право съ международнымъ, такъ какъ то и другое стремятся обнять своимъ дѣйствіемъ все человѣчество. Но связь между народами, устанавливаемая церковію, далеко не то, что какіе-бы то ни было международные союзы. Послѣдніе устанавливаются *договорами* и держатся только до тѣхъ поръ, пока заинтересованные народы желаютъ или находятъ возможнымъ оставаться въ договорномъ отношеніи между собою. Внѣшней организаціи, подобно церкви или государству, союзы эти не имѣютъ и имѣть не могутъ, ибо въ противномъ случаѣ они обратились бы въ одно союзное государство. Наконецъ, международные союзы по своимъ цѣлямъ такъ же отличны отъ церкви, какъ и государства.

Нельзя относить церковное право и къ частному, какъ дѣлаютъ нѣкоторые юристы (напр., Фалькъ въ своей „Юридической энциклопедіи“) на томъ основаніи, что религія есть дѣло совѣсти, а не внѣшняго государственнаго принужденія, слѣдовательно—дѣло частное. Конечно, и съ точки зрѣнія христіанства нѣтъ и быть не можетъ принужденія къ религіознымъ вѣрованіямъ; но отсюда никакъ не слѣдуетъ, что церковь съ своимъ правомъ стоитъ въ области *частнаго* права и личнаго произвола. Церковь является частнымъ обществомъ только *относительно*, т. е. въ отношеніи къ лицамъ, которыя къ ней не принадлежатъ и могутъ принадлежать лишь по свободному самоопредѣленію, и въ отношеніи къ государству, которое ее не признаетъ публичною корпораціей. *Самая же въ себѣ* и для тѣхъ, кто раздѣляетъ ея вѣру, она всегда и необходимо есть публичное учрежденіе. Ея устройство, цѣль,

средства выше частнаго произвола; они даны вмѣстѣ съ нею, въ самомъ ея существѣ. Въ этомъ смыслѣ къ церковному праву можетъ быть приложенъ признакъ, какимъ римскіе юристы отличали публичное право отъ частнаго: *jus publicum privatorum pactis mutari non potest*.

Наконецъ, намъ нужно еще разсмотрѣть тотъ взглядъ, по которому церковное право относится частію къ публичному, частію—къ частному. Съ особенною ясностію и отчетливостію высказанъ взглядъ этотъ Марецоллемъ въ его „Институціяхъ рим. права“.—„Каждый человѣкъ, говоритъ Марецолль, по своимъ вѣрованіямъ входитъ въ составъ той или другой религіозной общины. Отсюда возникаютъ болѣе или менѣе своеобразныя *религіозныя* отношенія. Отношенія эти совпадаютъ иногда всецѣло со всѣми прочими отношеніями въ государствѣ, именно—тамъ, гдѣ существуетъ вполнѣ національная религія. Такъ у римлянъ *jus sacrum* отнесено къ *jus romanum publicum*. Гдѣ же нѣтъ такого отождествленія интересовъ государства съ интересами религіи, именно въ новѣйшихъ государствахъ, отношенія вѣрующихъ къ ихъ религіозной общинѣ, *церкви*, образуютъ особенное право—*церковное*. Церковное право, поскольку рѣчь идетъ объ отношеніи церкви къ государству, входитъ, правда, въ составъ государственнаго права. Но такъ какъ оно затрагиваетъ и интересы отдѣльныхъ лицъ и видоизмѣняетъ ихъ, то оно относится и къ частному праву. Все же остальное въ церковномъ правѣ лежитъ на границѣ между частнымъ и публичнымъ правомъ“ (русс. перев. стр. 5 и 6, § 4). Съ точки зрѣнія, на которой стоитъ авторъ, его разсужденія правильны. Церковное право, если смотрѣть на него со стороны, т. е. съ точки зрѣнія права свѣтскаго, и если раздѣлять послѣднее на публичное и частное, заключаетъ въ себѣ элементы, относящіеся и къ первому и ко второму. Но—какъ справедливо замѣтилъ и самъ Марецолль—подъ эту схему не подходитъ все содержаніе церковнаго права, такъ что въ немъ остается еще нѣчто лежащее на границѣ между частнымъ и публичнымъ правомъ. А это „нѣчто“, не подходящее подъ рубрику публичнаго и частнаго права, существующаго въ государствахъ, и составляетъ въ церковномъ правѣ существенный элементъ, который проникаетъ всю его систему и даетъ ему характеръ, отличный отъ всякаго другого права.

Какой же мы должны сдѣлать общій выводъ изъ разбора всѣхъ выше приведенныхъ взглядовъ? Очевидно, тотъ, что церковное право есть особенная, самостоятельная вѣтвь права, которой нельзя отнести ни къ частному, ни къ публичному. Оно объединяется съ ними только въ высшемъ понятіи о правѣ вообще. Пока систематика различныхъ отдѣловъ права не возведена къ безспорнымъ философскимъ началамъ, до тѣхъ поръ мы вправѣ оставаться при взглядѣ средневѣковыхъ цивилистовъ и канонистовъ, которые, имѣя въ виду различіе источниковъ и предметовъ частнаго и публичнаго права—съ одной стороны, и каноническаго—съ другой, не находили иного, высшаго начала для дѣленія всей системы права и сообразно съ этимъ раздѣляли все право, въ послѣдней инстанціи, на *jus civile* (право гражданское, т. е. мірское, свѣтское вообще) и *jus canonicum* (право каноническое, церковное).

§ 5. *Наука церковнаго права и ея отношеніе къ наукамъ богословскимъ и юридическимъ.* Въ силу этого своего самостоятельнаго значенія церковное право и составляетъ предметъ особой *юридической* науки, которая раздѣляетъ его названіе. По своему содержанию, наука церковнаго права находится, правда, въ тѣсной связи съ богословскими науками. Такъ, изъ догматическаго богословія она беретъ основныя понятія о церкви, ея цѣли и средствахъ, изъ нравственнаго богословія заимствуетъ истины христіанской морали, въ которыхъ раскрывается духъ и мотивы церковно-юридическихъ нормъ; церковная исторія знакомитъ насъ съ фактами, подъ вліяніемъ которыхъ произошла та или другая церковно-юридическая норма или образовался цѣлый каноническій институтъ. Но всѣ указанныя заимствованія изъ богословскихъ наукъ не измѣняютъ характера нашей науки, какъ юридической. Она имѣетъ дѣло исключительно съ *правомъ* церкви, и всѣ чисто-богословскіе элементы въ своемъ содержаніи подчиняетъ *юридической* точкѣ зрѣнія, излагаетъ ихъ только съ *юридической* стороны. Объяснимъ это нѣсколькими примѣрами. Догматическое понятіе о Церкви, какъ духовномъ царствѣ Божіемъ на землѣ, въ которомъ господствуетъ воля Божія и дѣйствуютъ таинственныя силы божественной благодати,—это понятіе не входитъ въ кругъ предметовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію въ наукѣ церковнаго права. Послѣдняя имѣетъ

дѣло съ церковію, какъ съ внѣшнимъ человѣческимъ союзомъ, имѣющимъ свою особенную организацію и стоящимъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ другимъ человѣческимъ союзамъ. Еще два примѣра. Ученіе о таинствѣ крещенія, именнно какъ *таинство*, т. е. благодатномъ средствѣ духовнаго возрожденія человѣка, принадлежитъ догматическому богословію, а не церковному праву, ибо это внутреннее дѣйствіе крещенія не подлежитъ внѣшнему наблюденію и юридически не можетъ быть доказано. Для права же крещеніе есть способъ вступленія въ церковное общество и основаніе общей церковной правоспособности. Съ этой точки зрѣнія въ наукѣ церковнаго права можетъ быть рѣчь только объ условіяхъ дѣйствительности акта крещенія. Равнымъ образомъ догматическое ученіе о церковной іерархіи, о томъ духовномъ правомочіи, которое сообщается іерархическимъ лицамъ чрезъ таинство рукоположенія, не имѣетъ мѣста въ наукѣ права, потому что самый актъ рукоположенія или хиротоніи есть чисто-религіозный, и внѣшнимъ образомъ никогда не можетъ быть доказано, получилъ-ли дѣйствительно рукоположенный духовныя дарованія, соединяемыя съ понятіемъ таинства. Поэтому рукоположеніе, какъ таинство, не входитъ въ область права, но разсматривается здѣсь, какъ единственный законный способъ вступленія въ іерархію: съ правовой точки зрѣнія, оно создаетъ для рукоположеннаго новое положеніе въ церкви, даетъ ему новыя права, налагаетъ на него новыя обязанности.

Итакъ, присутствіе богословскихъ элементовъ въ нашей наукѣ нисколько не мѣшаетъ ей оставаться наукою юридическою въ строгомъ смыслѣ этого слова. Но связь ея съ юриспруденціей не есть только формальная, состоящая въ подчиненіи всего своего содержанія юридической точки зрѣнія, а и матеріальная, устанавливаемая, во многихъ отношеніяхъ, единствомъ содержанія. Мы уже видѣли, что церковь, какъ общественный организмъ, по необходимости входитъ въ сферу права тѣхъ государствъ, въ которыхъ она существуетъ. Отсюда она занимаетъ все свое *внѣшнее* право, опредѣляющее ея отношенія, какъ публичной корпораціи. Правда, по своей природѣ, по основнымъ началамъ своего устройства, она есть царство *не отъ міра сего*, но по своему внѣшнему положенію, по условіямъ своего земнаго бытія, она есть царство *въ*

миръ семь, и съ этой стороны подлежить дѣйствию мірскаго, государственнаго права. Поэтому ни историческое, ни догматическое изученіе церковнаго права не возможно безъ знакомства съ правомъ тѣхъ государствъ, съ которыми имѣла или имѣетъ дѣло церковь. Въ особенности это нужно сказать о римскомъ и греко-римскомъ или византійскомъ правѣ, подъ влияніемъ которыхъ, съ эпохи установленія союза церкви съ государствомъ, т. е. съ начала IV и до конца IX в., сложились наиболѣе крѣпкія формы внѣшней церковной организаціи, развились наиболѣе важныя церковно-правовыя институты. Съ своей стороны и церковь такъ могущественно влияла на юридическія воззрѣнія тѣхъ народовъ, среди которыхъ она водворялась, что научная разработка положительнаго права любого изъ христіанскихъ государствъ была бы безуспѣшна безъ знакомства съ каноническимъ правомъ.— Прослѣдимъ теперь главнѣйшіе фазисы развитія нашей науки и представимъ въ краткомъ очеркѣ исторію ея литературы.

§ 6. Историческій очеркъ развитія науки церковнаго права.—

Первоначально знаніе церковнаго права пріобрѣталось практически, при помощи частныхъ сборниковъ его источниковъ. Первые опыты свободной умственной дѣятельности надъ этими источниками состояли въ систематическомъ ихъ изложеніи, въ подведеніи отдѣльныхъ церковно-юридическихъ нормъ подъ извѣстныя рубрики, въ которыхъ указывалось общее ихъ содержаніе. Затѣмъ къ тексту нѣкоторыхъ нормъ стали приписывать краткія объяснительныя замѣтки (схоліи, глоссы), относившіяся или къ отдѣльнымъ рѣченіямъ, или къ извѣстнымъ мѣстамъ въ данномъ источникѣ. Дальнѣйшимъ шагомъ въ развитіи этихъ экзегетическихъ опытовъ были обширныя толкованія на цѣлый составъ общепринятыхъ на практикѣ сборниковъ, содержавшихъ въ себѣ источники церковнаго права. На греческомъ востокѣ такія толкованія появились въ XII вѣкѣ. Они принадлежатъ тремъ авторизованнымъ греческимъ канонистамъ указанной эпохи—Алексѣю Аристину, Иоанну Зонарѣ и Θεодору Вальсамону. На ряду съ толкователями на текстъ источниковъ появились и спеціальныя трактаты по разнымъ вопросамъ церковнаго права. Цѣль всѣхъ подобныхъ работъ была чисто-практическая. Она состояла въ изъясненіи подлиннаго смысла источ-

никовъ и въ приложеніи ихъ къ конкретнымъ случаямъ современной жизни. Но дальнѣйшіе успѣхи церковнаго правовѣдѣнія на востокѣ остановлены были въ половинѣ XV в. покореніемъ византійской имперіи иновѣрными турками.

Иначе шло дѣло развитія науки церковнаго права на католическомъ западѣ. Здѣсь колыбелью этой науки была знаменитая юридическая школа въ Болоньѣ, возникшая въ концѣ XI вѣка. Школа эта занята была собственно разработкою римскаго права по кодификаціи Юстиніана, которая получила тогда названіе *Corpus juris civilis*. Но такъ какъ римское право, подъ вліяніемъ церкви, значительно измѣнилось и дѣйствовало въ средніе вѣка только въ томъ видѣ, въ какомъ принималось церковію, то юристы болоньской школы скоро должны были сознать необходимость ознакомленія и съ церковнымъ правомъ. Этой потребности удовлетворяла первая система церковнаго права, появившаяся около половины XII в. въ той же Болоньѣ и принадлежащая тамошнему монаху Граціану. Послѣдній назвалъ свою каноническую компиляцію *Concordantia discordantium canonum*, но на языкѣ школы она вскорѣ получила названіе *Декрета*. Граціанъ построилъ свою систему по образцу Юстиніановыхъ Институцій, именно—раздѣлилъ весь бывшій у него подъ руками церковно-юридическій матеріалъ на три отдѣла, по схемѣ: *personae, res, actiones*. Но связь Граціанова Декрета съ римскимъ правомъ была не только формальная, а и матеріальная. Въ его компиляціи содержится громадная масса выписокъ изъ источниковъ римскаго гражданскаго права, какъ дѣйствующаго и въ церковной сферѣ. Объясняется это тѣмъ, что во все продолженіе среднихъ вѣковъ римская церковь въ своихъ мірскихъ дѣлахъ исключительно руководилась римскимъ правомъ, т. е. по нему опредѣляла свои чисто-юридическія отношенія во всѣхъ новыхъ германскихъ государствахъ, возникшихъ на развалинахъ западной римской имперіи. Отсюда общее положеніе тогдашняго публичнаго права: *Ecclesia jure romano vivit*. Этого мало: сознавая высокія преимущества римскаго права сравнительно съ грубыми юридическими возрѣніями и обычаями германскихъ народовъ, церковь на западѣ усилленно стремилась къ тому, чтобы провести римское право и въ жизнь этихъ народовъ, обращенныхъ ею въ христіанство. Въ извѣстной мѣрѣ она

и достигла этого въ эпоху полнаго развитія созданной ею священной римской имперіи, когда римское право въ сознаниі народовъ, входившихъ въ составъ этой имперіи, получило значеніе всеобщаго гражданскаго права. Но, какъ уже выше замѣчено, это *новое* римское право во многихъ отношеніяхъ было не то, какое содержалось въ Юстиніановой кодификаціи. Оно существенно измѣнилось и преобразовалось подъ вліяніемъ германскихъ юридическихъ воззрѣній и обычаевъ, благодаря главнымъ образомъ тому, что эти воззрѣнія и обычаи были усвоены и церковію. Такимъ образомъ, для догматической конструкціи многихъ институтовъ этого новаго римскаго права требовалось знакомство и съ каноническимъ правомъ. Вотъ причина, почему Декретъ Граціана, вскорѣ послѣ его изданія, былъ принятъ болоньскою юридическою школою и сдѣлался здѣсь предметомъ такихъ же ученыхъ работъ, какъ и *Corpus juris civilis*. Юристы, съ одинаковымъ успѣхомъ изучавшіе то и другое право, стали получать титулъ *doctor juris utriusque*. Научная разработка церковнаго права по Декрету Граціана и позднѣйшимъ сборникамъ источниковъ церковнаго права, по папскимъ декреталамъ, получившимъ вмѣстѣ съ Декретомъ названіе *Corpus juris canonici*, совершалась точно такъ же, какъ и разработка римскаго права, именно на поляхъ или между строками рукописей, содержащихъ въ себѣ текстъ источниковъ, писались объяснительныя замѣчанія (глоссы) къ отдѣльнымъ ихъ мѣстамъ. Глосса, разъ принятая школою, навсегда оставалась при текстѣ источниковъ и служила какъ бы темою для дальнѣйшихъ работъ въ томъ же направленіи. Такъ разрабатывались отдѣльные церковно-юридическіе институты, составлявшіе предметъ спеціальныхъ трактатовъ, изъ которыхъ потомъ составлялись полныя догматическія системы церковнаго права, построенныя по образцу Граціанова Декрета, слѣдовавшаго въ свою очередь, какъ сказано выше, схемѣ Юстиніановскихъ Институцій.

По методѣ болоньскихъ глоссаторовъ разрабатывалось каноническое право и въ другихъ европейскихъ университетахъ, преимущественно въ Парижѣ и Монпелье. Съ XV в., съ эпохи возрожденія наукъ, дѣлаются опыты критической разработки исторіи источниковъ церковнаго права и отдѣльных его институтовъ. Важнѣйшимъ результатомъ

трудоу, предпринятыхъ въ этомъ направленіи, было открытіе массы подлоговъ, содержащихся въ знаменитомъ сборникѣ Лжеисидоровыхъ декреталовъ. Этимъ, конечно, значительно поколебался авторитетъ церковнаго права и папской власти. Но самый сильный ударъ тому и другой нанесенъ былъ церковною реформою Лютера. Извѣстно, что этотъ реформаторъ, въ знакъ своего разрыва съ римскою церковію, въ торжественной процессіи съ своими учениками, студентами богословскаго факультета Виттенбергскаго университета, сжегъ *Corpus juris canonici* вмѣстѣ съ папскою буллою о своемъ отлученіи отъ церкви. Въ томъ же духѣ дѣйствовали и многія правительства нѣмецкихъ государствъ, гдѣ ученіе Лютера признано было господствующимъ вѣроисповѣданіемъ. Въ лютеранскихъ университетахъ запрещено было преподаваніе каноническаго права, какъ предмета, противнаго основнымъ положеніямъ новаго вѣроисповѣданія и вреднаго въ политическомъ отношеніи. Но многовѣковое господство этого права въ религиозно-соціальной жизни германскаго народа не могло быть сразу и навсегда уничтожено реформою Лютера. Многіе институты лютеранской церкви были и остаются копіями съ институтовъ католической церкви. Отсюда для изученія и преподаванія новаго церковнаго права сама собою открывалась необходимость знакомства со старымъ. Съ другой стороны, и цивилисты въ своихъ занятіяхъ римскимъ правомъ, какъ общимъ у всѣхъ западно-европейскихъ народовъ, не могли обойтись безъ знанія каноническаго права, подъ вліяніемъ котораго, какъ выше замѣчено, образовалось это общее гражданское право. По этимъ причинамъ преподаваніе каноническаго права снова введено было и въ лютеранскихъ университетахъ. Но здѣсь оно разрабатывалось преимущественно въ критическомъ направленіи по отношенію къ *дѣйствующему* праву католической церкви. Началась строгая провѣрка этого права по несомнѣнно подлиннымъ его источникамъ—съ цѣлію возстановить первоначальный видъ важнейшихъ церковно-юридическихъ институтовъ, и преимущественно центральнаго изъ нихъ—папскаго монархизма въ церкви. Благодаря такимъ работамъ средневѣковья возрѣнія на существо церковной, именно—папской власти радикально измѣнились, и не только въ лютеранскихъ государ-

ствахъ, но и въ католическихъ. Такъ, во Франціи развилось ученіе о *вольностяхъ Галликанской церкви*, т. е. о сравнительной независимости ея отъ папскаго престола. Основанія этой системы добыты изъ церковной исторіи, которая учитъ, что высшая церковная власть заключается во всемъ епископатѣ и представляется на вселенскихъ соборахъ, а не въ лицѣ одного папы, который самъ стоитъ подъ авторитетомъ все-ленскаго собора. Дальнѣйшимъ развитіемъ этого ученія былъ такъ называемый *феброніанизмъ*,—теорія церковнаго устройства и управленія, авторомъ которой былъ германскій католическій епископъ Николаѣ *Гонтгеймъ*, написавшій подъ псевдонимомъ Фебронія книгу: „о состояніи церкви и законной власти Римскаго епископа“. Въ этой книгѣ происхожденіе и развитіе папской власти объясняется политическими причинами, другими словами—папство не признается божественнымъ учрежденіемъ, и потому католическая церковь ставится въ такую же зависимость отъ мѣстныхъ государствъ, въ какой находились лютеранскія земскія церкви (*Landskirchen*). Такъ каноническія воззрѣнія католиковъ встрѣтились съ ученіемъ о церкви лютеранъ. Въ результатъ дальнѣйшаго развитія этихъ воззрѣній получилась идея абсолютной государственной власти, подлѣ которой не можетъ существовать никакая другая самостоятельная власть, иначе это было бы государство въ государствѣ. Въ борьбѣ съ указанными воззрѣніями и строго-католическіе канонисты должны были обратиться къ исторіи. Не отрицая дѣйствительности подлоговъ въ источникахъ средне-вѣковаго церковнаго права, они оказали болѣе или менѣе важныя ученія заслуги посредствомъ критической разработки исторіи его подлинныхъ, безспорныхъ источниковъ. Это историческое направление нашло себѣ поддержку, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ знаменитой исторической школѣ юристовъ, съ берлинскимъ профессоромъ Савиньи во главѣ, и сдѣлалось окончательно господствующимъ въ наукѣ церковнаго права. Теперь эта наука освободилась отъ старыхъ схоластическихъ оковъ, которыя привязывали ее къ системѣ Граціана Декрета и позднѣйшихъ сборниковъ папскихъ декреталовъ. Въ такой формальной и матеріальной постановкѣ наука нашего предмета снова возбудила къ себѣ живой интересъ. Ученые всѣхъ вѣроисповѣданій, юристы и богословы,

конкурируютъ въ ея разработкѣ. Особенно посчастливилось наукѣ церковнаго права въ Германіи. Лучшіе учебники и системы этого предмета принадлежать, безспорно, германскимъ ученымъ, именно Вальтеру ¹⁾, Рихтеру ²⁾, Шульте ³⁾, Филлипу ⁴⁾, Гиншіусу ⁵⁾ Шереру ⁶⁾, Верингу ⁷⁾ и др.

Само собою понятно, что ученый западъ занимался и занимается *своимъ* церковнымъ правомъ, т. е. сначала—однимъ католическимъ а потомъ—и протестантскимъ. Но такъ какъ право католической церкви до IX вѣка было, говоря вообще, тождественно съ правомъ церкви восточной, то всѣ ученныя работы, посвященныя исторіи этого права до указанной эпохи, составляютъ необходимое научное пособие и для православнаго канониста. Мы уже знаемъ, что такія работы начались на западѣ съ эпохи возрожденія наукъ и церковной реформы Лютера. Критическое отношеніе этихъ эпохъ къ дѣйствующему праву католической церкви возбудило на западѣ живой интересъ къ церкви восточной, какъ вѣрной хранительницѣ преданій древней вселенской церкви. Выразился этотъ интересъ, во первыхъ въ рядѣ критическихъ изданій подлинныхъ источниковъ каноническаго права древней церкви. Мы назовемъ только наиболѣе важныя изъ этихъ изданій, такія, которыя съ уваженіемъ были приняты не только на западѣ, но и на востокѣ. Таковыми должны быть признаны: 1) изданіе французскихъ ученыхъ *Веля* и *Жюстеля* (Voellus et Justellus) подъ заглавіемъ: *Bibliotheca juris canonici veteris*—въ двухъ томахъ, изданныхъ въ Парижѣ въ 1661 году. Первый томъ содержитъ въ себѣ древнѣйшіе каноническіе сборники западной, латинской церкви, появившіеся до начала VI столѣтія; второй—только греческіе сборники отъ VI до конца IX столѣтія, т. е. до

1) *F. Walter*, Lehrbuch des Kirchenrechts aller christlichen Confessionen.

2) *Richter*, Lehrbuch des katholischen und evangelischen Kirchenrechts

3) *Schulte*. Das katholische Kirchenrecht, 2 Bd; *его-же* Lehrbuch des kathol. und evangel. Kirchenrechts

4) *G. Fillips*, Kirchenrecht. 8 Bd; *его-же* Lehrbuch des Kirchenrechts, 1881.

5) *Hinschius*, System des cathol. Kirchenrechts mit besonderer Rücksicht auf Deutschland, 5 Bd, 1869—1893

6) *Scherer*, Handbuch des Kirchenrechtes, 2 Bd, 1885—1891

7) *Vering*, Lehrbuch des katholischen, orientalischen und protestantischen Kirchenrechts, 3-e Aufl 1893

эпохи раздѣленія церквей. 2) Изданіе ученаго пресвитера англиканской церкви *Бевериджа*, или по латинской транскрипціи *Беверегія*, озаглавленное: *Συνοδικόν*, sive Pandectae canonum ecclesiae graecae, вышедшее въ 2 фоліантахъ въ Оксфордѣ въ 1672 году. Въ первомъ томѣ содержатся правила всѣхъ признанныхъ въ восточной церкви вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ съ толкованіями на нихъ трехъ греческихъ канонистовъ XII вѣка—Аристина, Зонары и Вальсамона; во второмъ томѣ—алфавитная Синтагма, т. е. словарь церковнаго права, составленный въ XIV в. греческимъ монахомъ Матѳеємъ Властаремъ, съ нѣкоторыми дополненіями въ началѣ. 3) Изданіе нѣмецкаго ученаго *Леуеклави* или полатыни *Леунклавія*: *Jus graeco-romanum*—въ двухъ томахъ, напечатанныхъ въ 1596 году въ Франкфуртѣ на Майнѣ. Въ этомъ изданіи содержатся источники византійскаго права не только церковнаго, но и гражданскаго. Для насъ, конечно, имѣютъ особенную важность источники перваго рода. Всѣ они находятся въ 1-мъ томѣ Леунклавіева грекоримскаго права, и состоятъ а), изъ новеллъ византійскихъ императоровъ по дѣламъ церкви, начиная съ Юстиніана до послѣднихъ его преемниковъ на византійскомъ тронѣ; б), изъ постановленій патріаршаго синода въ Константинополь, съ IX в. до паденія византійской имперіи, и наконецъ в), изъ каноническихъ отвѣтовъ и трактатовъ разныхъ греческихъ церковныхъ писателей того же періода времени. Такимъ образомъ, изданіе Леунклавія составляетъ существенное дополненіе къ изданію Бевериджа и, вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ, было съ большимъ уваженіемъ принято не только на западѣ, но и на востокѣ. Здѣсь, на востокѣ, эти рѣдкія и дорогія книги даже переписывались по распоряженію духовныхъ іерарховъ. Онѣ же легли въ основаніе оффиціального греческаго изданія каноническаго кодекса, получившаго названіе Пидаліона (*Πηδάλιον*), и другого, озаглавленнаго: *Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων*, вышедшаго въ 1852—59 гг. въ Аѳинахъ, съ благословенія св. Синода Греческаго королевства, подъ редакціей двухъ профессоровъ аѳинскаго университета Ралли и Потли. У насъ въ Россіи изданія Бевериджа и Леунклавія переводились на русскій языкъ, по распоряженію патріарховъ и св. Синода.

Новѣйшая, такъ наз. историческая школа германскихъ юристовъ, главою которой, какъ выше замѣчено, былъ Савиньи, оказала также не менѣе важныя услуги нашей наукѣ изданіемъ многихъ памятниковъ византійскаго права, имѣющихъ болѣе или менѣе важное значеніе въ исторіи русскаго права вообще и церковнаго въ особенности. Особенно важны изданія двухъ юристовъ-византицистовъ: *Геймбаха* и *Цахаріе фонъ - Лингенталля*. Первому мы обязаны изданіемъ свода византійскихъ законовъ, извѣстнаго подъ именемъ *Базилікъ*, т. е. царскихъ книгъ. Это собственно—греческая переработка, всѣхъ частей Юстиниановой кодификаціи, т. е. Кодекса, Институцій, Дигестовъ и Новеллъ,—переработка, предпринятая въ IX в. импер. Василіемъ Македоняниномъ и довершенная сыномъ его Львомъ Философомъ. Второму изъ названныхъ ученыхъ принадлежитъ рядъ изданій множества дотолѣ неизвѣстныхъ источниковъ византійскаго гражданскаго права и краткихъ, оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ руководствъ къ познанію этого права. Большая часть этихъ памятниковъ издана въ сборникѣ Цахаріи подъ заглавіемъ *Jus graeco-romanum* въ 7 частяхъ. Но еще прежде изданія этого сборника тѣмъ же ученымъ обнаружены подлинный текстъ двухъ оффиціальныхъ византійскихъ руководствъ по гражданскому праву — *Эклоги* императоровъ-иконоборцевъ Льва Исавра и Константина Копронима (въ VIII в.), и *Прохирона*, т. е. ручной книги законовъ императора Василія Македонянина (въ концѣ IX в.). Для насъ эти два памятника важны потому, что они въ славянскомъ переводѣ входили въ составъ древнихъ славяно-русскихъ Кормчихъ и несомнѣнно имѣли громадное значеніе въ исторіи русскаго права.

Рядъ западныхъ изданій источниковъ восточнаго церковнаго права заключается изданіемъ каноническаго кодекса греческой церкви, совершеннымъ покойнымъ кардиналомъ рим. церкви Питрою, по приказанію папы Пія IX. Это изданіе предпринято было съ цѣлю доказать источниками каноническаго права самой восточной церкви, что она всегда признавала надъ собою главенство папы. Изданіе Питры, обнимающее памятники восточнаго церковнаго права до эпохи фактическаго, если не формальнаго раздѣленія церквей Запада и Востока, вышло въ двухъ томахъ подъ заглавіемъ: *Juris*

ecclesiastici graecorum historia et monumenta (Romae, t. I. 1864; t. II. 1869). Какъ показываетъ самое заглавіе этого изданія, въ немъ содержится не только текстъ памятниковъ восточнаго церковнаго права, но и его исторія. Вотъ здѣсь - то именно, въ этой исторіи, и проводится указанная тенденція изданія—доказать, что папа всегда былъ главою церкви не только западной, но и восточной. Что же касается до самаго текста источниковъ, то онъ, безъ сомнѣнія изданъ Питроу болѣе удовлетворительно, чѣмъ Бевериджемъ, такъ какъ Питра для своего изданія пользовался лучшими рукописями всѣхъ европейскихъ библиотекъ, между прочимъ и нашихъ русскихъ (въ Москвѣ и Петербургѣ).

Наряду съ исчисленными изданіями источниковъ греческаго церковнаго права шла на западѣ и критическая разработка исторіи этихъ источниковъ. Изъ относящихся сюда трудовъ особенно важны слѣдующія: 1) Изслѣдованіе двухъ итальянцевъ, братьевъ *Баллерини*, подъ заглавіемъ: *De antiquis tum editis, tum ineditis collectionibus et collectoribus canonum*, Венеція 1753—57. Здѣсь излагается исторія источниковъ общаго права древней вселенской церкви до эпохи появленія Лжеисидоровыхъ декреталовъ, т. е. до половины IX вѣка. Изслѣдованіе братьевъ Баллерини отличается тонкимъ критическимъ анализомъ и строгостію выводовъ, которые большею частію и теперь сохраняютъ свою научную цѣну; только въ недавнее время труды названныхъ братьевъ получили нѣкоторыя поправки и дополненія въ 2) капитальной книгѣ Маассена, подъ заглавіемъ: *Geschichte der Quellen und Literatur des canonischen Rechts im Abendlande bis zum Ausgang des Mittelalters*, 1870 Сочиненія братьевъ Баллерини и Маассена посвящены главнымъ образомъ разработкѣ исторіи источниковъ права западной, католической церкви, которые, впрочемъ, большею частію были переводомъ постановленій восточныхъ, греческихъ соборовъ. Исключительно исторія греческаго церковнаго права посвящены слѣдующіе труды западныхъ ученыхъ: 1) Бинера—*De collectionibus canonum ecclesiae graecae*, Берлинъ 1827; 2) Мортрѣля—*Histoire du droit byzantin*, въ 3 томахъ, Парижъ 1843—46; 3) три превосходныя монографіи Цахаріэ фонъ-Лингенталя о греческихъ помоканонахъ, изданныя въ Мемуарахъ нашей Академіи и отдѣльными брошюрами.

Наконецъ, западная литература представляетъ намъ огромную массу историческихъ изслѣдованій объ отдѣльныхъ институтахъ древней вселенской и, въ частности, православной восточной церкви. Въ особенности много изслѣдованій по исторіи церковнаго устройства, церковнаго управленія, церковнаго суда и брачнаго права.—На основаніи этихъ изслѣдованій нѣкоторые изъ западныхъ ученыхъ канонистовъ дѣлали опыты изложенія всей системы православнаго церковнаго права, сравнительно съ правомъ церкви католической. Таковы, напримѣръ, учебники церковнаго права *Вальтера* и *Веринга*. Но въ этихъ учебникахъ излагается только право древней Вселенской церкви; научной системы русскаго церковнаго права западно-европейская литература намъ не представляетъ, потому, конечно, что языкъ источниковъ этого права на доступенъ тамошнему ученому міру. Впрочемъ, надо замѣтить, что и право древней восточной церкви, составляющее основу русскаго церковнаго права, излагается въ упомянутыхъ нѣмецкихъ учебникахъ, какъ предметъ второстепенный, служащій только къ иллюстраціи институтовъ католическаго церковнаго права.

§ 7. *Церковное правовѣдѣніе въ Россіи.* У насъ въ Россіи научныя занятія церковнымъ правомъ начались очень недавно. Въ первый разъ преподаваніе этого предмета введено было въ концѣ прошлаго столѣтія въ Московской славяно-греко-латинской духовной академіи. Въ инструкціи, данной этой академіи Московскимъ митрополитомъ Платономъ, предписывалось, между прочимъ, читать и объяснять Кормчую книгу, сравнивая содержащійся въ ней старый славянскій переводъ церковныхъ каноновъ съ подлиннымъ текстомъ ихъ по вышеуказанному изданію *Беверегія* ¹⁾. Въ 1798 г. указомъ св. Синода повелѣно во *всѣхъ* духовныхъ академіяхъ читать и объяснять Кормчую книгу, конечно, по инструкціи митрополита Платона (П. С. З. № 18726, п. 4). Въ правилахъ о преобразованіи духовныхъ училищъ 1808 г. между предметами ученія въ духовныхъ академіяхъ снова поименовано каноническое и церковное право русской церкви (П. С. З. № 23122, п. 83). Задача преподаванія этого предмета теперь понималась гораздо шире. Въ проэктѣ

¹⁾ См. *Смирнова*,—Исторію названъ акад., стр. 294 и 298

устава духов. академіи, составленномъ на основаніи упомянутыхъ правилъ, сказано было: „Каноническое право наша церква требуетъ особеннаго вниманія профессора, тѣмъ болѣе, что доселѣ не приведено оно еще въ надлежащій порядокъ и должно быть пояснено собственными его (профессора) изысканіями“ (§ 153; ср. П. С. З. № 25673). Тутъ, также какъ и въ упомянутомъ синод. указѣ 1798 года, безъ сомнѣнія, разумѣлось особенное право русской церкви. Общая программа системы этого права начертана была Коммиссіею духов. училищъ въ предложении С.-Петербургской духовной академіи. Коммиссія предлагала правленію академіи поручить способнѣйшему изъ преподавателей „выбрать изъ древнихъ и новѣйшихъ церковно-политическихъ постановленій положенія, касающіяся до хода важнѣйшихъ духовныхъ дѣлъ и представить ихъ въ особомъ хронологически—систематическомъ сочиненіи“¹⁾. Въ 1814 г. Коммиссія снова поручала Правленію Спб. дух. академіи составить по каноническому праву краткую систему, въ которой собрать коренныя правила церковнаго управленія съ доказательствомъ оныхъ изъ слова Божія, соборовъ и отцовъ (церкви), съ прибавленіемъ Духовнаго Регламента“²⁾. Но ни то, ни другое предписаніе не было и не могло быть исполнено. На тогдашнихъ преподавателей церковнаго права въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ возлагалась задача не только научнымъ образомъ обрабатывать, по и *собирать* весь матеріалъ системы, а между тѣмъ преподаваніе этого предмета обыкновенно соединялось съ преподаваніемъ и другихъ богословскихъ наукъ. Само собою понятно, что первые опыты систематическаго изложенія церковнаго права въ духов. академіи могли состоять только въ болѣе или менѣе удовлетворительномъ выполненіи вышензложенной официальной программы этого предмета. Понятно также, что все они носили преимуществу богословскій характеръ, т. е. содержали въ себѣ не одно церковное право, но и разные предметы изъ другихъ богословскихъ наукъ, хотя лучшіе богословы того времени (наприм. митр. Филаретъ) хорошо сознавали, что эта наука „дальше всѣхъ другихъ отстоитъ отъ центра богословскихъ знаній“.

¹⁾ Чистовичъ, Ист. Спб. дух. акад., 191

²⁾ Ibid стр. 292

Въ университетахъ преподаваніе каноническаго права на юридическихъ факультетахъ впервые введено было уставомъ 1835 г. И здѣсь наша наука является первоначально съ чисто-богословскимъ характеромъ: преподаваніе ея возлагалось на профессора богословія, а слушаніе обязательно было только для студентовъ-юристовъ православнаго исповѣданія. Не имѣя, такимъ образомъ, внутренней, органической связи съ другими факультетскими предметами, наука церковнаго права естественно оставалась въ университетахъ какъ бы пріемышемъ: ее преподавали и слушали только по требованію устава, безъ яснаго сознанія цѣли, для которой она преподавалась. Тѣмъ не менѣ замѣчательно, что авторомъ перваго полнаго учебника церковнаго права былъ именно университетскій преподаватель этого предмета—профессоръ богословія въ университетѣ св. Владимира, протоіерей Скворцовъ. Этимъ фактомъ только и ознаменовалось на первый разъ перенесеніе нашей науки изъ духовныхъ академій въ университеты.

Въ новыя и болѣе благопріятныя условія поставленъ былъ нашъ предметъ въ университетахъ уставомъ 1863 года. По этому уставу преподаваніе церковнаго права отдѣлено было отъ преподаванія богословія, и на юридическомъ факультетѣ учреждена самостоятельная каѳедра нашего предмета, какъ обязательнаго для всѣхъ факультетскихъ слушателей. Уже самою этою постановкою предмета указывалось на необходимость поручить его преподаваніе лицу съ основательнымъ юридическимъ образованіемъ. Къ сожалѣнію, не всѣ юридическіе факультеты съ одинаковымъ вниманіемъ отнеслись къ этому требованію. Одни потребовали отъ первыхъ преподавателей церковнаго права, приглашенныхъ изъ духовныхъ академій, чтобы они предварительно выслушали полный или сокращенный курсъ юридическихъ наукъ въ русскихъ или заграничныхъ университетахъ. Другіе допустили къ преподаванію этого предмета лицъ только съ богословскимъ образованіемъ, но безъ всякой юридической подготовки. И въ настоящее время каѳедра церковнаго права въ четырехъ университетахъ (казанскомъ, харьковскомъ, кіевскомъ и новороссійскомъ) занята богословами чистой воды. Описанное положеніе нашего предмета въ университетахъ оставлено и нынѣ дѣйствующимъ университетскимъ уставомъ

1884 г. Нѣтъ сомнѣнія, что тотъ и другой уставъ поставили нашу науку въ условія, вполне благоприятныя для ея успешнаго роста и развитія. И теперь уже замѣтно значительное оживленіе въ ея разработкѣ, благодаря притоку новыхъ силъ, давшихъ этому дѣлу новую постановку. Но само собою понятно, что наша наука, въ такой короткій срокъ своего существованія въ духовныхъ академіяхъ и университетахъ, не могла вырости вровень съ другими старшими науками не только юридическими, но и богословскими. Всего болѣе сдѣлано у насъ по исторіи источниковъ церковнаго права и по разработкѣ отдѣльныхъ институтовъ его. Но полной системы предмета, удовлетворяющей всѣмъ научнымъ требованіямъ, мы до сихъ поръ не имѣемъ. Были только опыты такой системы, къ сожалѣнію неоконченные, или и оконченные, но въ видѣ компилятивныхъ учебниковъ. Большая часть такихъ опытовъ принадлежатъ еще канонистамъ-богословамъ, а не юристамъ. Я разумѣю: 1) *Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія* архим. Іоанна, бывшаго въ сороковыхъ годахъ профессоромъ этого предмета въ СПб. духовной академіи. Это—трудъ весьма почтенный. Онъ содержитъ въ себѣ (въ двухъ вып., СПб. 1851) введеніе въ систему церковнаго права, исторію каноническаго кодекса Вселенской церкви и историко-догматическій комментарий на этотъ кодексъ. Затѣмъ, по плану автора, должна была слѣдовать система общаго каноническаго права восточной церкви, но только нѣкоторые отрывки этой системы напечатаны были авторомъ, въ бытность его ректоромъ Казанской духовной академіи, въ ея журналѣ „Православномъ Собесѣдникѣ“ за 1858—60 г.г.—2) Начало курса моего предшественника на этой кафедрѣ проф. Соколова, изданное подъ заглавіемъ: *Изъ лекцій по церковному праву* (два вып., М. 1874—5). Здѣсь напечатаны введеніе въ систему церковнаго права и часть ученія о церковномъ устройствѣ. Судя по этому началу, курсъ проф. Соколова долженъ былъ въ значительной степени удовлетворять потребностямъ университетскаго преподаванія новой науки. Его лекціи отличались замѣчательною ясностію изложенія и достаточно-твердою юридическою постановкою предмета, хотя авторъ не имѣлъ школьнаго юридическаго образованія. Объясняется это тѣмъ, что онъ въ своемъ курсѣ слѣдовалъ хорошему образцу—упомянутому

нами нѣмецкому автору системы церковнаго права—Шульте. Изъ полныхъ учебныхъ курсовъ церковнаго права укажу на два, сравнительно недавно появившіеся: 1) на учебникъ проф. Казанск. унив. и дух. академіи Бердникова: *Краткій курсъ церковнаго права*, Казань 1888 г., и *Дополненіе* къ этому курсу, Казань 1889, и 2) на учебникъ проф. Ярослав. Юридическаго Лицея Суворова: *Курсъ церковнаго права*, 2 т. Яросл. 1889—90 ¹⁾. Первый не совсѣмъ удаченъ по своей системѣ и отличается болѣе богословскимъ, чѣмъ юридическимъ характеромъ. Второй хотя и обличаетъ въ авторѣ научно-образованнаго юриста, но не рѣдко погрѣшаетъ и противъ исторіи и противъ принципіальныхъ основаній православнаго церковнаго права, которое, по очень понятной причинѣ, должно составлять для русскаго конониста главный предметъ занятій: это наше дѣйствующее церковное право. Принципіальные недостатки учебника проф. Суворова объясняются тѣмъ, что авторъ не только въ формальномъ, но и въ матеріальномъ отношеніи строить свою систему по иностраннымъ образцамъ, преимущественно католическимъ, а принципіальныя основанія католическаго церковнаго права далеко не тѣже, на какихъ утверждается право церкви православной и, въ частности, русской.

§ 8. *Задача и методъ науки церковнаго права.* Задача нашей науки состоитъ въ томъ, чтобы построить систему церковнаго права на основаніи его собственныхъ началъ и изъ его собственныхъ источниковъ. Само собою понятно, что наука должна имѣть дѣло съ *дѣйствующимъ* правомъ церкви, и главнѣйшимъ образомъ—съ правомъ русской церкви. А какъ русская церковь есть часть единой восточной православной церкви, то ея право должно быть излагаемо въ неразрывной связи съ правомъ этой послѣдней. Но чтобы правильно понять жизненное значеніе того и другого права, необходимо знать, *какъ* оно образовалось. Отсюда наилучшимъ методомъ научнаго изложенія церковнаго права долженъ быть признанъ методъ *историко-догматическій*. Именно:

¹⁾ Въ 1898 г. вышла новая переработка этого курса—въ одномъ томѣ, подъ заглавіемъ: *Учебникъ церковнаго права*. Въ настоящее время проф. Суворовъ занимаетъ кафедру церковнаго права въ Московскомъ университетѣ.

мы должны восходить къ источнымъ началамъ каждаго церковно-юридическаго института и потомъ слѣдить за всѣми фазисами его историческаго развитія, постоянно и точно отмѣчая тѣ мѣстныя, національныя, политическія вліянія, подъ дѣйствіемъ которыхъ онъ достигъ настоящаго своего вида. Въ этомъ генетическомъ процессѣ право церкви предстанетъ предъ нами, какъ живое, въ своемъ жизненномъ ростѣ, съ своимъ собственнымъ характеромъ. Слѣдя за этимъ процессомъ, мы обязаны постоянно имѣть въ виду связь церковнаго права съ самымъ существомъ церкви, съ догматическими основаніями церковно-юридическихъ институтовъ. Эти основанія должны служить пробой для положительнаго права. Съ точки зрѣнія этихъ основаній открывається, что составляетъ существенное зерно каждаго церковно-юридическаго института, и что есть только внѣшняя его оболочка, измѣняющаяся со временемъ и не требующая одного постоянного и твердаго вида. Такой историческій и вмѣстѣ рациональный методъ ясно покажетъ намъ, что слѣдуетъ признавать въ правѣ церкви существеннымъ и неизмѣннымъ и что—случайнымъ и несущественнымъ, и какъ далеко можно идти въ церковныхъ преобразованіяхъ, не касаясь существа церкви и не колебля основаній ея права. Обработывая такимъ образомъ церковное право, наука тѣмъ самымъ способствуетъ его примѣненію къ практической жизни и, давая церковной и государственной власти матеріалъ для законодательства, пролагаетъ путь къ обновленію и дальнѣйшему развитію права.

§ 9. Значеніе науки церковнаго права въ системѣ общаго юридическаго образованія. Если наука церковнаго права исполнитъ, какъ слѣдуетъ, свою сейчасъ указанную задачу, то она безспорно займетъ почетное мѣсто въ ряду другихъ юридическихъ наукъ, сдѣлается существеннымъ и необходимымъ ихъ дополненіемъ. Значеніе этой науки въ цѣлой системѣ научнаго юридическаго образованія опредѣляется съ двухъ точекъ зрѣнія: исторической и практической. Мы уже выше замѣтили что историческое развитіе права у любого изъ христіанскихъ народовъ совершалась подъ болѣе или менѣе сильнымъ вліяніемъ церкви и церковнаго права. Даже совершеннѣйшее изъ положительныхъ правъ древняго міра—римское испытало на себѣ преобразовательную силу

христіанской религіи, когда она сдѣлалась господствующею въ римскомъ государствѣ. Такъ, подѣ влияніемъ христіанства и церкви мало по малу измѣнилось социальное положеніе рабовъ: изъ вещи своего господина рабъ постепенно обращался въ человѣческую личность, съ естественными ея правами: супружескіе союзы рабовъ церковь признавала браками, т. е. такими же нерасторжимыми союзами, какъ и браки свободныхъ; умерщвленіе раба господиномъ въ глазахъ церкви было такимъ же преступленіемъ, какъ и убійство вообще. Подобная же перемѣна произошла и съ отношеніями отца къ дѣтямъ, мужа къ женѣ, когда римское общество сдѣлалось христіанскимъ: potestas patria и manus римскаго домовладыки въ законодательствѣ христіанскихъ римскихъ императоровъ значительно утратили свой прежній суровый характеръ. Само собою понятно, что и публичное право римскаго государства въ той своей части, которая обнималася *acta publica*, приняло совершенно иной видъ послѣ того, какъ на мѣсто прежней, языческой религіи стала новая, христіанская. Если таково было влияніе христіанства и церкви на правовую жизнь высоко-культурнаго римскаго народа: то по отношенію къ варварскимъ, германскимъ и славянскимъ народамъ цивилизаторская дѣятельность церкви проявилась въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ и съ большею силою. Здѣсь ей не рѣдко приходилось полагать первыя основанія гражданственности, водворять общественный порядокъ, содѣйствовать установленію твердой общественной власти, дѣятельно участвовать въ законодательствѣ и судѣ страны, развивать и укрѣплять въ народѣ понятія о правѣ и неправѣ. Такимъ образомъ, нельзя указать ни одной стороны въ правовой жизни названныхъ народовъ, которая бы не испытала на себѣ болѣе или менѣе глубокаго влияния церкви. Всего сильнѣе и нагляднѣе сказалось это влияніе въ области брачнаго, семейнаго и наслѣдственнаго права. Въ продолженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ дѣла, относящіяся къ этимъ областямъ частнаго права, находились въ большей части западно-европейскихъ государствъ и у насъ въ Россіи въ исключительномъ вѣдѣніи церковной власти. Что касается до публичнаго права, то здѣсь влияніе церкви съ особенною рѣшительностію обнаружилось въ сферѣ уголовного и международнаго права. У всѣхъ новыхъ народовъ,

въ эпоху обращенія ихъ въ христіанство, существовать обычаи частной кровавой мести за убійство и частной же расправы за имущественныя и личныя обиды. Духу церкви былъ совершенно противенъ такой варварскій способъ удовлетворенія чувству нарушеннаго права и, по ея настояніямъ, кара преступниковъ мало по малу становится дѣломъ общественной власти. И этой власти церковь постоянно внушала, что наказаніе должно быть направлено противъ самаго источника всѣхъ преступленій—злой воли человѣка и должно вести не къ уничтоженію этой воли и самой личности преступника, а къ его исправленію. А какъ у тогдашнихъ государствъ не было средствъ для достиженія этой цѣли: то они и предоставили это дѣло самой церкви, которая дѣйствительно создала себѣ цѣлую систему духовно-исправительныхъ наказаній,—систему, извѣстную подъ именемъ *публичныхъ покаяній или эпитимій*. Система эта несомнѣнно послужила прямымъ образцомъ для новѣйшей государственной системы пенитенціальныхъ тюремъ и одиночнаго заключенія преступниковъ. Самое понятіе о преступленіи подвляніемъ церковныхъ возрѣній значительно разширилось: уже одно покушеніе на преступленіе признано наказуемымъ, такъ какъ и въ немъ обнаруживается злая воля. Словомъ: всѣ основныя понятія уголовного права, принятыя въ современныхъ кодексахъ его, развились подвляніемъ церкви и церковнаго права.

Еще болѣе дѣятельное участіе принимала церковь въ образованіи современнаго международнаго права. По ея возрѣнію, всѣ христіанскіе народы составляютъ одно великое цѣлое, духовная жизнь котораго должна быть проникнута нравственными началами общей религіи, и эти начала должны выражаться и во внѣшнихъ отношеніяхъ между отдѣльными народами. На войну между христіанскими народами церковь смотрѣла и смотритъ, какъ на братоубійство. Поэтому она всегда настаивала на томъ, чтобы несогласія между народами разрѣшались не оружіемъ и кропролитіемъ, а международнымъ судомъ или предварительными мирными договорами между спорящими сторонами, предлагая для этого и свое собственное посредство. Если же война дѣлалась неизбежною, то церковь внушала христіанскимъ воинамъ, чтобы они не забывали въ непріятелѣ человѣка и христіанина и

не проявляли жестокости по отношенію къ побѣжденнымъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ церковь постоянно стояла за точное соблюденіе международныхъ мирныхъ договоровъ, въ особенности тѣхъ, которые скрѣплены были присягою или клятвою между представителями договаривающихся сторонъ.

Изъ всего сказаннаго само собою слѣдуетъ, что въ наукѣ церковнаго права другія юридическія науки найдутъ ключъ для историческаго пониманія многихъ институтовъ того права, которое составляетъ предметъ каждой изъ нихъ.

Но церковное право есть вмѣстѣ право *дѣйствующее* и не потерять этого значенія, пока существуетъ церковь. Отсюда открывается и практическое значеніе науки этого права. Но какой практической интересъ можетъ имѣть церковное право для юриста, какъ юриста? Зачѣмъ ему изучать церковные законы и порядки, когда онъ готовитъ себя на служеніе гражданскому обществу, а не церковному? На это отвѣтимъ: юристъ, принадлежащій къ церкви, которому поэтому не чужды ея интересы, почувствуетъ, конечно, значительный пробѣлъ въ своемъ научномъ образованіи, если не будутъ знать церковныхъ законовъ, опредѣляющихъ его права и обязанности, какъ члена церкви,—законовъ подтверждаемыхъ и государственными законами, слѣдовательно обязательныхъ для него, какъ подданнаго нашего государства. Весьма важный отдѣлъ нашего гражданскаго права, именно брачное право православныхъ русскихъ подданныхъ, почти цѣликомъ основанъ на церковныхъ законахъ, и при томъ не рѣдко такъ, что знаніе этихъ законовъ предполагается во всѣхъ и каждомъ, кого они касаются. Напримѣръ, нашъ гражданскій законъ говоритъ: запрещается вступать въ бракъ лицамъ, состоящимъ въ такихъ степеняхъ родства и свойства, какія запрещены для брака *церковными законами* — и только. Нужно, значитъ, знать эти законы. Равнымъ образомъ нашъ уголовный кодексъ, т. е. дѣйствующее уголовное уложеніе о наказаніяхъ, за многія преступленія назначаетъ виновнымъ христіанскаго вѣроисповѣданія, наряду съ уголовнымъ или исправительнымъ наказаніемъ, и церковное покаяніе по правиламъ своего вѣроисповѣданія; значитъ, опять указываетъ на практическую важность знанія этихъ правилъ. Нельзя сказать, чтобы и юристъ, не принадлежащій къ господствующей у насъ, т. е. православной церкви, или вовсе не хри-

стіанинъ, не былъ *практически* заинтересованъ въ знаніи церковнаго права. Какъ русскій подданный, онъ подлежитъ дѣйствию тѣхъ государственныхъ законовъ, которыми опредѣляются отношенія иновѣрцевъ къ подданнымъ православнаго вѣроисповѣданія въ дѣлахъ религіозныхъ, семейныхъ и брачныхъ. Какъ юристъ—практикъ, онъ долженъ знать, по крайней мѣрѣ, тѣ церковные законы, которые легко могутъ понадобится ему въ его практикѣ, на примѣръ, законы о церковной подсудности; иначе онъ можетъ взяться за веденіе въ окружномъ судѣ или у мировыхъ судей такихъ дѣлъ, которыя подсудны не имъ, а духовной констисторіи. Еще примѣръ: юристъ-практикъ нехристіанскаго исповѣданія легко можетъ явиться въ окружномъ судѣ ходатаемъ по имущественнымъ дѣламъ церковныхъ установленій, или быть повѣреннымъ противной стороны: въ томъ и другомъ случаѣ ему, конечно, необходимо знать законы о церковныхъ имуществвахъ, о ихъ особенномъ юридическомъ характерѣ, о способѣ ихъ приобрѣтенія и пр. Приведенныхъ примѣровъ, кажется, достаточно для того, чтобы видѣть, что знаніе церковнаго права не лишено интереса для юриста-практика, какого бы онъ ни былъ вѣроисповѣданія.

§ 10 *Планъ курса церковнаго права.* Такъ какъ система церковнаго права можетъ быть построена только изъ его собственныхъ источниковъ, то необходимымъ подготовленіемъ къ ней долженъ служить обзоръ этихъ источниковъ. Въ этой вводной части нашего курса мы должны 1) изложить общее ученіе объ источникахъ церковнаго права, разсмотрѣть ихъ различные виды и показать ихъ относительное достоинство; 2) обозрѣть ихъ исторію какъ въ древней Вселенской церкви, такъ и въ русской. Затѣмъ въ самой системѣ права нужно различать двѣ главныя части: внутреннее и внѣшнее право церкви. Въ первой части мы разсмотримъ церковное устройство и церковное управленіе; во второй — покажемъ отношеніе церкви къ государству и къ другимъ религіознымъ союзамъ какъ христіанскимъ, такъ и нехристіанскимъ.

А. Павловъ.